

ОДИН из самых интересных ленинградских танцовщиков Никита Александрович Долгушин, удостоенный недавно почетного звания народного артиста РСФСР, находится сейчас в зените творческих сил, во всеоружии опыта и зрелого мастерства. Вечера на сцене Академического Малого театра оперы и балета подтвердили, что актер преисполнен энтузиазма, готов по-прежнему увлеченно и много работать. Его высокий профессионализм, внутренняя культура, умение трудиться одержимо — прекрасный образец для молодежи. Участие в спектаклях, в которых он занят, наблюдение за ним во время репетиций — поистине школа художественности и вкуса. Недаром так высок в труппе авторитет Долгушина в вопросах профессиональных, во всем том, что связано со стилистикой и образностью танца. Не будучи педагогом по штатному расписанию, артист в своей повседневной практике фактически выполняет функции наставника молодежи, охотно делится с нею опытом и мастерством.

Исполнительская индивидуальность Долгушина неординарна: его выступления вызывают споры, нередко противоположные оценки. Это естественно — танцовщик предпочитает рискованность поиска спокойствию проторенных путей, надежности проверенных находок. Быть первооткрывателем — для него не столько вопрос престижа, сколько естественное требование творческого процесса, условие активного участия в нем.

Среди ленинградских танцовщиков легко можно найти таких, кто перешагивает Долгушина природным прыжком, верчением, шагом, блеском и виртуозностью танца. Многие превзойдут его сценическим обаянием, способностью мгно-

венно расположить к себе. Зато Долгушин обладает редким даром, который присущ единицам, — той исключительностью актерской и человеческой индивидуальности, что заставляет пристально следить — независимо от того, близок тебе исполнитель или нет, — за каждой новой его работой. Он не прячется ни за волшебство классической хореографии, ни за остроту современной пла-

ШТРИХИ
К ТВОРЧЕСКОМУ
ПОРТРЕТУ

ЗРЕЛОСТЬ МАСТЕРСТВА

стики, ни за парадную эффектную любого обкатанного предшественниками амплуа. Он — самостоятелен, вызывающе самостоятелен: везде на виду, ни на миг не способен ступешаться или уйти в тень, в любой ситуации остается самими собой, — не растворяясь в стихии танца, не подчиняясь ей сполна. Долгушин — личность, и едва ли не основная исполнительская тема его — утверждение неповторимого индивидуального как художественно значимого и ценного в танце.

Эта тема намечалась уже в первой крупной работе артиста — партии Альберта в «Жизели». Для начинающего танцовщика естественно было влияние именитых предшественников, исполнителей той же роли. Удивляло другое: стремление на первых же порах от этого влияния отрешиться, вырваться на просторы самостоятельного творчества.

Романтический герой Долгушина романтической припод-

нятостью и душевными порывами отнюдь не отличался. Замкнутость, погруженность в свой внутренний мир рождалась из осознания себя избранником. Да он таким и был, этот изысканный, с незаурядным интеллектом юноша, обреченный на одиночество своей исключительностью.

Привлечь его внимание мог лишь человек в своем роде тоже исключительный. Такой, как Жизель. И все-таки даже сердечная привязанность не отрывала Альберта от занятости собой. Юноша, поглощенный нахлынувшими на него эмоциями, вслушивался в то таинственное, что с ним про-

исходило, но по существу оставался глух к душевным движениям Жизели, подменив в своем воображении реальный образ возлюбленной вымышленным. Этой вымышленной возлюбленной он улыбался, с нею флиртовал и объяснялся в любви. Придуманность ситуации, неподлинность чувства облегчали измену. И лишь трагический исход рождал в Альберте первое настоящее чувство, нарушал его изолированность от мира. Замкнутость в себе одаренной натуры оборачивалась для нее трагедией, а душевная слепота несла другим гибель. Так с изначальных шагов в искусстве балета намечался интерес танцовщика к психологии. Это требовало от него строгого отбора и точной выверенности пластики, поисков индивидуального танцевального почерка.

Достигнутое в «Жизели» позволяло предположить в Долгушине исполнителя, которому близка на сцене роль творца, художника. С нею актер встретился в балете «Легенда

о любви» в Новосибирском театре оперы и балета, где проработал несколько лет. В замечательном спектакле Ю. Григоровича центральной была трагическая фигура царицы Мехмен-Бану. Партия Ферхада столь же глубокой психологической разработкой и щедростью красок не отличалась.

Тщательно сохраняя хореографию балетмейстера, Долгушин тонко осмыслил ее, разделяя своего героя внутренним трагизмом. Внешние препятствия на пути любви Ферхада и Ширин оборачивались невозможностью личного счастья человека-творца в обстановке

бед народных, а социальная направленность всякого художественного творчества обрета в трактовке танцовщика убедительность психологических характеристик. Образ возлюбленной сливался для этого Ферхада с образом воды — вечной, желанной, ускользающей и прекрасной в своем живительном постоянстве, а деяния художника, стремление воду эту обрести и подарить людям превращались в гражданский подвиг. Метафора, Григоровичем чуть намеченная, была Долгушиным реализована сполна. Не потому ли актер оказался едва ли не лучшим исполнителем партии Ферхада в советском балете?

Многоплановостью отличались и другие работы Никиты Долгушина в Новосибирском театре, например в спектаклях «Золушка» и «Ромео и Джульетта» С. Прокофьева в очень интересной постановке О. Виноградова. И здесь танцовщик акцентировал художественную одаренность своих героев, неповторимое своеобразие их личности — иронич-

ность одного и одержимость другого. Но это уже было продолжением и утверждением прежде найденной темы, к которой артист возвращался настойчиво, с завидным постоянством, доказывая тем самым, что тема ему важна, близка.

Тонкость чувства, отточенный ум помогли герою «Золушки» найти утраченную было избранницу, но, как и в музыке Прокофьева, в финале спектакля оставалось щемящее чувство иллюзорности легко обретенного счастья. Уж не мираж ли оно, не привиделась ли вся эта история фантазерам Золушке и принцу? Или,

может быть, благополучный финал — лишь дань сказке?

Трагедийность, существовавшая в «Золушке» подсудно, звучала в полный голос в «Ромео и Джульетте». Между героем и окружавшим его жестоким миром лежала глухая пропасть, обостренная ненавистью, азартом уничтожения. Тупая сила стремилась все непохожее на нее саму стереть с лица земли. И чем миролюбивей держался Ромео, чем несвойственней ему были насилие и мелочность придуманных обид, тем ярче вспыхивала злоба Тибальда. Поглощенность любовью, собственными переживаниями лишала героя Долгушина и здесь чувства реальности, зато ограждала его внутреннее «я», помогала сохранить это «я» вопреки внешним обстоятельствам неприкосновенным.

Новый поворот исполнительской темы Долгушина намечался в очередном балете на музыку А. Пярта «Свершение», поставленном эстонским хореографом М. Мурдаа для

творческого вечера танцовщика. На этот раз нравственно-этическая проблематика стала определяющей, а социальная мотивировка — четко очерченной. Это пластическая поэма о современном борце, о вечности стремления людей к независимости и свободе, о трудностях пути борьбы с несправедливостью, об убежденности, помогающей преодолеть многочисленные преграды. Поэтическая обобщенность хореографии способствует созданию разностороннего образа человека-борца. Его личное упорство и воля к победе оказываются заражительными, подхватываются другими, множатся людьми, становящимися на каком-то определенном этапе единомышленниками.

Современность колорита музыки и пластики, лаконизм и суровая сдержанность художественных средств пробуждают определенные ассоциации, вызывают в памяти легендарные образы политических борцов против любых форм насилия и угнетения, свойственных миру капитализма, борцов за свободу и независимость своего народа. В небольшом по объему произведении балетмейстер и танцовщик достигают необычайной емкости содержания, выразительности и напряженности действия, заставляя зрителя с захватывающим интересом и вниманием следить за развитием событий.

Преодолевая излишнюю камерность, эмоциональную сдержанность своего исполнительского искусства, его некоторую замкнутость «вовнутрь», на самого себя, Никита Долгушин идет по пути все более глубокого и основательного постижения психологии своих героев, к образам высокой нравственно-этической ценности.